

Итоги и уроки пресечения крупного военного конфликта, возникшего в результате нападения японских войск на территорию СССР в районе озера Хасан, актуальны и сейчас. В отечественной истории военные события на Хасане справедливо именуется как предвестники новой мировой войны.

Анализируя минувшие события сквозь призму времени, широко используя документальный материал, другие достоверные фактические данные, мы имеем теперь возможность глубже и вернее оценивать историческое и практическое значение этой первой серьезной проверки нашей боеготовности на Дальнем Востоке в канун Великой Отечественной войны.

Предыстория этой агрессивной акции свидетельствует, что она готовилась давно. Захватив в 1931 году Северо-Восточный Китай (Маньчжурию), японские милитаристы многократно нарушали государственную границу СССР, пытались в одностороннем порядке изменить ее прохождение. После продажи в 1935 году Советским Союзом Маньчжоу-Го КВЖД обстановка на границе несколько нормализовалась. Но уже с весны 1935 года японцы возобновили враждебные действия против СССР, особенно на участках погранзастав «Полтавка», «Волынка», «Хунчун». В ноябре 1936 года японцы спровоцировали крупный конфликт на участках Гродековского и Ханкайского погранотрядов. С обеих сторон было задействовано до тысячи человек личного состава, артиллерия и танки. Боевые действия продолжались почти три дня. Всего за 1936 год пограничники Дальнего Востока более тридцати раз отражали вооруженные вторжения воинственных соседей.

В 1937 году обстановка на границе стала еще более напряженной. После вторжения японской армии в Северный и Центральный Китай провокационные нападения на советскую территорию участились и приняли более крупные масштабы. За год было совершено восемьдесят провокаций, усилилась воздушная разведка советской территории.

В марте 1938 года в Японии был принят закон о всеобщей мобилизации, который, как признал на Токийском процессе бывший премьер-министр Японии Окада, был составлен в целях подготовки к войне с СССР.

Серьезное обострение обстановки было в апреле 1938 года, когда на участке заставы «Полтавка» Гродековского погранотряда границу нарушили двенадцать японских самолетов на глубину до восьми километров. Они были обстреляны пулеметным огнем заставы и пулеметным батальоном Красной армии. В результате один самолет приземлился. Японский летчик дал важные показания, которые вместе с полетной картой свидетельствовали об отработке маршрутов на нашей территории на случай

военных действий. Опасаясь попытки внезапного нападения японцев, Тихоокеанский флот, ОКДВА и погранокруг приводились в полную боеготовность.

Упомянутые годы были богаты на перебежчиков из Советского Союза. Волна процессов против «врагов народа» и внесудебных расправ, охватившая страну, способствовала появлению людей, которые печальному концу предпочли свободу и личную безопасность. Поэтому неудивительно, что из страны бежали. Но если в Европе перебежчики, или, как их тогда называли, «невозвращенцы», были разведчиками (Кривицкий-Гинзбург, Рейсс, Орлов-Фельдбин) или дипломатами (Бармин, Беседовский), то на Дальнем Востоке через границу уходили командиры Красной армии и НКВД. В истории широко известны двое дальневосточников, перебежавших к японцам в 1938 году: двадцать девятого мая начальник артиллерии 36-й мсд (Монголия) майор Г. Фронт, а в ночь с двенадцатого на тринадцатое июня комиссар госбезопасности 3-го ранга Г. Люшков, находившийся в служебной командировке на погранзаставе в Приморье.

Предательство Люшкова было предательством общесоюзного масштаба и имело тяжелые последствия для региона и страны. Был нанесен огромный ущерб советским органам госбезопасности. Вдвойне тяжелей оттого, что беглый Люшков поступил на службу в генштаб Японии, которая с 1935 года развязала десятки серьезных провокаций на дальневосточной границе, в том числе вооруженных. А еще Япония — союзница фашистской Германии...

Когда Люшков бежал, его объявили во всеоюзный розыск и дали прозвище Самозванец. Видимо, не случайно. Беглец был непомерных амбиций, маленького роста, но большого самомнения.

О побеге Люшкова в Советском Союзе начали писать в 1990 году. До этого времени, хотя в конце 1930-х о нем писала вся мировая пресса, «в нашей стране не было перебежчиков». И в последующие годы он не был обделен вниманием прессы и историков — российских, американских, японских.

За давностью лет напомним основные этапы его биографии. Генрих (Григорий) Самойлович Люшков, начальник УНКВД по Дальнему Востоку, комиссар госбезопасности третьего ранга, депутат Верховного Совета СССР. Он был одним из доверенных лиц руководителей НКВД Н. Ежова и Н. Агранова, участвовал в следствии по делу об убийстве С. Кирова и «заговоров» против Сталина, вел следствие по делу Г. Зиновьева. Теперь он ожидал вызова в Москву и догадывался, что это может означать.

Обратим внимание, что в публикациях еще не раскрыты все основания его перевода на Дальний Восток. В то время международная обстановка и внутреннее положение диктовали смену руководства Дальневосточного края. В 1937 году ситуация в регионе стала угрожающей для безопасности края и страны. Фактически в Маньчжурии возник первый очаг Второй мировой войны. А пока подчеркивается лишь то, что он принял активное участие в печально известной «чистке» Дальневосточного края. О тех событиях уже подробно писалось, поэтому ограничимся краткими итогами.

Выполняя установку Центра, Люшков во второй половине 1937 года очистил советский Дальний Восток от потенциальной «пятой колонны» Японии. В Казахстан и Узбекистан было депортировано сто семьдесят две тысячи корейцев и несколько тысяч китайцев.

Размах репрессий на восточной окраине России достиг пика именно при нем. Как сообщил Люшков японцам, за время его работы в ДВК было арестовано по политическим причинам около двухсот тысяч человек, примерно семь тысяч из них были расстреляны. В числе первых жертвами стали чекисты. Руководители аппарата УНКВД по Дальневосточному краю не понимали директив, которые шли из Центра. Реально оценивая обстановку, они осознавали, что такого количества заговоров, правотроцкистских блоков и других организаций в крае просто не было.

Весной 1937 года начальник УНКВД по Дальневосточному краю Т. Д. Дерibas был переведен в Москву, в одно из подразделений Центрального аппарата НКВД. Вместо

него в Хабаровск приезжает нарком внутренних дел Украины В. А. Балицкий и группа работников НКВД СССР, чтобы помочь местным чекистам в «разворачивании борьбы с троцкизмом». В начале июня арестовывается председатель крайисполкома Крутов и несколько сотрудников управления НКВД.

Вернувшегося вновь из Москвы Т. Дерибаса сменил в августе 1937 года Г. Люшков. Необоснованные репрессии обрушились в первую очередь на личный состав разведки УНКВД нашего края. Был арестован весь руководящий состав УНКВД, включая Дерибаса, руководство отделов и отделений, оперативных пунктов на границе. В итоге практически вся разведывательная и контрразведывательная деятельность чекистов края была полностью парализована.

«Чистой» Дальневосточной армии, погранохраны и частично органов НКВД занимались соответственно заместители наркомов обороны Л. Мехлис и внутренних дел М. Фриновский, прибывшие в Хабаровск в конце мая 1938 года. Этот Фриновский являлся шефом всех особых отделов НКВД и Красной армии. Прибывшие с ними «черные сотни» несколько месяцев орудовали в Дальневосточном крае.

Забегая вперед, отметим, что чистка погранохраны была продолжена после бегства Люшкова в Маньчжурию, а армии — после пресечения вооруженного конфликта у озера Хасан с учетом выявленных крупных недостатков в подготовке войск. В отдельные дни аресту подвергались около двухсот лиц начальствующего и командного состава бывшей ОКДВА. Практически все командование этой армии в течение периода «чистки» было репрессировано, в том числе и маршал В. Блюхер.

А в это время в целях обеспечения начального удара в первые дни войны с нами японцы широко развернули работу по изучению ближайшей пограничной полосы. Они ведут настойчивую, не стесняясь в выборе средств, войсковую разведку подступов от черты границы к ближайшим нашим грунтовым и железнодорожным путям. К основным группам нарушителей в 1938 году относятся вооруженные группы и подразделения японо-маньчжурских регулярных войск, стремившихся к вооруженному соприкосновению с нашими нарядами с целью провокации и захвата пограничников для уточнения данных о нашей пограничной полосе. Японцы захватывают пограничные высоты и возводят на них оборонные сооружения; ведут большую работу по подготовке белогвардейских разведывательно-диверсионных и террористических групп и банд для переброски на нашу территорию; в больших количествах забрасывают к нам контрреволюционную литературу.

Особо отмечается рост боевых столкновений на границе (на территории СССР) как по общему количеству их, так и по масштабу: в 1935-м — десять; в 1936-м — двенадцать; в 1937-м — четыре, а в 1938 году — девятнадцать (с учетом хасанского конфликта). В 1938 году, до хасанских событий, через советскую границу было переброшено тысяча семьсот пятьдесят четыре агента японской разведки, сто двадцать четыре раза нарушали границу военнослужащие Квантунской армии, сто двадцать раз японские суда на море, сорок раз японские самолеты вторгались в наше воздушное пространство.

Очень многие данные обстановки, в том числе получаемые от Рихарда Зорге, свидетельствовали о назревании крупного вооруженного столкновения на юге Приморья.

Еще в 1933 году японцами была проведена тщательная рекогносцировка местности, и для крупного вооруженного конфликта был выбран самый восточный сухопутный участок Посьетского погранотряда в районе озера Хасан вблизи стыка трех границ, дающий им большие преимущества. Участок этот имел оригинальную географическую и топографическую конфигурацию. Куда ни глянь: «сосед» один и тот же — Япония. Прочность охраны и обороны границы проверялась здесь японцами разведкой боем в 1936 году, а с начала 1937-го они стали форсированно готовить силы и средства для крупного вооруженного конфликта. Как свидетельствуют факты, участок Посьетского погранотряда японцами обстоятельно изучался с суши, с моря и воздуха с весеннего потепления 1938 года.

В мае японское военное руководство при участии командующего Квантунской армией генерала К. Уэда, являющегося одновременно японским послом в Маньчжоу-Го, провело инспекторскую проверку японских войск, сосредоточенных на границе. Тогда же был сделан вывод об их полной готовности к военным действиям против СССР. Начиная с шестого июля 1938 года к району озера Хасан на фронте Заозерная, Квенфун, Коморукухи стали стягиваться японские войска с артиллерией, тяжелыми и легкими пулеметами. Они рыли окопы и готовили позиции для артиллерии. К концу июля на маньчжурской стороне района напротив высоты Заозерная было сосредоточено свыше трех тысяч японских военных с артиллерией и танками.

В деятельности Люшкова четко просматриваются два периода: до предательства и в период сотрудничества с японцами до конца августа 1945 года. Всех историков интересует главный вопрос: что мог рассказать Люшков японцам, какие тайны разведки, как генерал НКВД, он мог выдать. Однозначно никто не отвечает, так как подробный доклад с его показаниями, отправленный из Токио в Берлин, был сфотографирован Р. Зорге и переправлен в Москву. Этот документ осел в архиве ГРУ и пока не опубликован. Но ряд предположений все же можно сделать.

В ходе обстоятельных допросов в Сеуле с четырнадцатого по восемнадцатое июня 1938 года, а позже в Токио Люшков откровенно раскрыл в пределах своей компетенции некоторые секреты Советского Союза. На основе его показаний японская армия получила полное представление о военной мощи, организационной структуре, вооружении, дислокации, основе тактики Красной армии. По утверждению японцев, Люшков передал им карты и другие документы о советской дальневосточной группировке войск. Но японские офицеры пренебрежительно отнеслись к информации, полученной таким образом, что и стало одной из причин жестокого поражения японской армии у озера Хасан и на реке Халхин-Гол (Монголия). Ясно одно, что после раскрытия Люшковым государственных и служебных тайн уязвимость советского Дальнего Востока неизмеримо увеличилась. Для нейтрализации нанесенного ущерба потребовалось проведение дорогостоящих кардинальных мероприятий, о чем речь пойдет ниже.

Военный историк Е. А. Горбунов, написавший книгу о тайной войне на Дальнем Востоке в двадцатые — тридцатые годы XX века, отмечает, что Люшкову были известны шифры, которыми пользовались органы НКВД и пограничники на Дальнем Востоке. И наверняка эту ценную информацию он передал японцам. Очевидно, эта информация позволила японской радиоразведке расшифровать одну из телеграмм советских пограничников. Расшифровка этой радиограммы могла ускорить хасанские события. Он подчеркивает, что это одна из версий событий тех далеких лет, но и она имеет право на существование.

Не исключено, что японская радиоразведка перехватила и расшифровала радиограмму Посьетского погранотряда в Хабаровск, в которой отмечалось значение двух ранее не охранявшихся высот, расположенных на границе западнее озера Хасан у стыка границ Кореи, Маньчжурии и СССР. Укрепление высот Заозерной и Безымянной и занятие их постоянными гарнизонами позволило бы держать под наблюдением всю местность сопредельной стороны в направлении северных корейских портов и стратегическую железнодорожную линию, проходящую вдоль границы. В случае же захвата этих высот японской стороной она получала аналогичные преимущества в отношении Посьетского тылового района и морского побережья в направлении на Владивосток. В конце радиограммы испрашивалось разрешение приступить к фортификационным работам на высотах и организовать на них постоянное наблюдение.

Расшифровав радиограмму, японский генштаб армии принял во внимание оценку значения высот, данную советскими пограничниками, и решил не допустить занятия их советской стороной. Такая задача была поставлена командованию Корейской армии, которое отвечало за безопасность участка границы на этом направлении.

Такова была завязка конфликта у озера Хасан.

Известный японист К. Е. Черевко, исследовав военно-политическую историю взаимоотношений СССР и Японии в довоенное время, пишет и о Люшкове. На основании его показаний японская сторона пришла к выводу, что советские войска значительно превосходят по своей численности и вооружению японские. В 1937 году в сравнении с 1937 годом численность советских войск здесь выросла на сто пять тысяч человек — более чем в десять раз по сравнению с первоначальным планом, и, соответственно, в два раза увеличились ассигнования на военное строительство.

Еще бóльшим поводом для обеспокоенности японской стороны явились дешифрованные телеграммы руководства советских погранвойск на Дальнем Востоке. Речь шла об увеличении боеприпасов, не достигавших и половины необходимого количества, а также занятии сопки Заозерной, поскольку она еще была свободна от японских войск. И хотя российский историк Ю. В. Георгиев считает, что к «агрессивным действиям» в связи с побегом Люшкова, то есть первой, прибегла японская сторона, другой наш историк, А. А. Кириченко, опираясь на документальное изучение этого вопроса, писал, что этот побег привел Сталина в ярость и, судя по всему, Кремль одобрил инициативу заместителей наркома внутренних дел Фриновского и наркома обороны Мехлиса «дать самураям по зубам». Особо подчеркнем: убедительный отпор японцам был дан, но только после их вторжения на советскую территорию и без переноса боевых действий за границу!

На наш взгляд, наиболее бесспорно утверждение историков внешней разведки России А. И. Колпакиди и Д. П. Прохорова. Они считают, что полученные от Люшкова сведения об охране дальневосточной границы только утвердили японское командование в том, что его военные планы по вторжению на советский Дальний Восток будут легко осуществимы. Но японцы глубоко заблуждались. Их замыслы были своевременно раскрыты, и вторжение трех японских дивизий на советскую территорию в районе озера Хасан было успешно отражено. То же будет и на Халхин-Голе.

Сообразуясь с обстановкой на Дальнем Востоке и учитывая уроки и выводы из предательства Люшкова, руководство страны осуществило ряд политических и военно-стратегических мер по укреплению вертикали власти, Вооруженных сил, органов и войск НКВД в регионе.

Началась эта работа в Центре. Побег Люшкова вызвал переполох в Москве на самом высоком уровне. Его дело обсуждалось на Политбюро и стало одним из поводов смещения еще недавно всесильного наркома НКВД Н. Ежова и его заместителя М. Фриновского. Они сначала были переведены на другую работу, а позже расстреляны в один день. Новый нарком Л. Берия с декабря 1938 года провел новую чистку органов госбезопасности от ставленников Ежова. Громоздкое Главное управление пограничной и внутренней охраны НКВД было разделено на шесть самостоятельных главных управлений и т. д.

В свое время, при встрече с участниками хасанского конфликта, я услышал справедливую оценку: Хасан далеко на юге Приморья, но тесно связан с Хабаровском. Оперативное руководство боевыми действиями осуществлялось из штабов военного и пограничных округов. Изменник Родины, чекист Люшков, выдавший японцам военные секреты, — из Хабаровска. Наконец, итоги конфликта подводили военные следователи краевой столицы.

В целях решения ряда задач национальной безопасности и повышения управляемости территориями двадцатого октября 1938 года Дальневосточный край был разделен на два самостоятельных края — Хабаровский и Приморский, подотчетных непосредственно Москве. Коренной реорганизации подверглись и вооруженные силы региона. Приказом от четвертого сентября Дальневосточный фронт, основу которого составляло детище В. Блюхера — ОКДВА, был ликвидирован и разделен на три отдельные армии: 1-ю, 2-ю и Северную группу войск, подчиненные напрямую Москве. Уникальность этого приказа состояла в том, что впервые за многие годы существования

Красной армии за снятием командующего последовало расформирование управления одного из крупнейших войсковых объединений. Такого в РККА, по крайней мере за период после Гражданской войны, еще не случалось.

Реорганизация погранохраны распространилась вниз: двадцатого марта 1939 года Дальневосточный округ пограничных и внутренних войск был разделен на два — Приморский и Хабаровский. Одновременно из состава Хабаровского погранокруга выделены внутренние войска НКВД (железнодорожные, промышленные, конвойные, оперативные). Руководство охраной госграницы стало более оперативным и гибким. А главное — теперь все занимались своим делом и избавились от некомпетентной опеки краевых органов НКВД.

События развивались в следующем порядке. Накануне военного конфликта, чтобы обмануть мировую общественность и разжечь антисоветскую истерию, был разыгран эпизод с предъявлением по дипломатическим каналам в грубой ультимативной форме территориальных притязаний — требование передачи Японии высоты Заозерной. Пятнадцатого июля 1938 года японское правительство через свое посольство в Москве предъявило нашему правительству требование об отводе советских войск с высот, расположенных на границе в районе озера Хасан. Они якобы являются маньчжурской территорией. Категорически отвергнув это требование как совершенно необоснованное, Наркоминдел СССР представил японскому посольству официальные документы — текст Хунчунского русско-китайского протокола от 22.06.1886 г. о проверке пограничных знаков и приложенные к нему карты, согласно которым высоты к западу от озера Хасан принадлежали России. Этим официальным документам советской стороны японское посольство смогло противопоставить только не подтвержденные официальными документами данные марионеточных властей Маньчжоу-Го и вымышленное утверждение о проведении в прошлом маньчжурским населением религиозных праздников на указанной территории.

Двадцатого июля японский посол в Москве М. Сигемицу вновь посетил наркоминдел и заявил, что японское правительство на основании имеющихся у него данных пришло к заключению о принадлежности этого района Маньчжоу-Го. А «у Японии имеются права и обязанности перед Маньчжоу-Го, по которым она может прибегнуть к силе и заставить советские войска эвакуироваться из незаконно занятой ими территории Маньчжоу-Го».

Двадцать второго июля Советское правительство направило правительству Японии ноту, в которой прямо и решительно отклонялись ничем не обоснованные требования об отводе войск с высоты Заозерной. В тот же день кабинет министров Японии утвердил план нападения на Советский Союз в районе озера Хасан, ранее получив на это санкцию императора Японии.

В эту же ночь начальник войск ДВПО комдив Г. Г. Соколов передал по прямому проводу: «...Гребеннику. Учтите, что японцы пытаются спровоцировать вас на высоте у озера Хасан. Будьте готовы. Не исключена возможность нападения на нашу заставу, а также обстрела и захвата пограничных нарядов. Лично предупредите начальников застав. Держите в готовности резервы». С этого времени гарнизон Заозерной, Зареченская погранкомендатура и подразделения поддержки ОКДВА, находящиеся здесь, приводились в полную боевую готовность. С двадцать третьего июля командир 40-й стрелковой дивизии приводил все части в полную боеготовность, а 118-й и 119-й стрелковые полки выдвигал к границе.

Японией была проведена и серия пропагандистских мероприятий, направленных на оправдание этой агрессии. В июньских номерах японских газет участились публикации крикливых и провокационных заметок по поводу якобы агрессивных намерений СССР на Дальнем Востоке, о сосредоточении частей Особой Дальневосточной армии на границе. К японской печати как нельзя более подходила русская пословица: «С больной головы — на здоровую».

Ничего не добившись дипломатическими переговорами, японское правительство попыталось применить силу. Одиннадцать пограничников во главе с лейтенантом А. Махалиным двадцать девятого июля первыми вступили в неравный бой с вторгшейся под покровом тумана группой японцев (до ста пятидесяти человек) на высоту Безымянная. С высоты Заозерной полковник Федотов и офицеры его штаба наблюдали, как, не доходя до линии границы восемьдесят — сто шагов, японцы открыли по Безымянной бешеный огонь. Пограничники ответный огонь открыли только после пересечения первой вражеской шеренгой государственной границы. Отважно сражались с врагом и пали смертью храбрых пять пограничников, в том числе и Махалин. Вскоре вступивший в бой резерв изгнал агрессора с советской территории.

С двадцать девятого по тридцать первое июля в боях в районе озера Хасан пограничники Посьетского пограничного отряда ДВПО стойко отражали натиск врага до подхода регулярных частей ОКДВА, продемонстрировали активность, маневренность, стремление малыми силами бороться до конца с превосходящим противником и навечно прославили себя.

Тридцать первого июля пограничники получили приказ об отходе с высот и передаче участка регулярным частям Красной армии. Только большая убыль раненых, недостаток боеприпасов и выход из строя пулеметов вынудили их отойти с занимаемых позиций. В ночном бою были израсходованы все две тысячи гранат. С высоты Заозерной пограничники ушли непобежденные. Они стояли до конца, до последнего патрона. Стойкость пограничников и бойцов Красной армии настолько поразила противника, а громадные потери, понесенные в боях тридцать первого июля, так его потрясли, что японские генералы объявили в своих газетах, что пограничники на высоте Заозерной были «прикованы цепями к столбам». Вот так они заврались.

В последующих боях пограничники выполняли специальные задачи при штабах соединений и частей: ознакомление с местностью и размещение прибывающих войск, охрана командных пунктов, в том числе В. Блюхера, обеспечение связи и т. д. Так, старший лейтенант Р. И. Карташев был связным между комкором Г. Штерном и маршалом В. Блюхером. Часть пограничных подразделений, сохранивших боевую готовность, выполняли задачи по прикрытию флангов группировки войск. Начальник инженерной службы отряда В. Виневитин, раненный в бою, вскоре, самовольно покинув госпиталь, работал совместно с армейскими саперами до самой гибели ночью восьмого августа.

В ночь с тридцатого на тридцать первое июля крупные японские силы, поддерживаемые артиллерийским огнем и пулеметами, провели тщательно подготовленную ночную атаку, в результате которой продвинулись на два-четыре километра вглубь советской территории. К двенадцати часам наступление врага было остановлено.

Второго августа крупные японские силы вновь перешли советскую границу и повели бой за высоту Заозерную. Захватив высоты Безымянную и Заозерную, японцы создали на них мощный узел обороны.

Четвертого августа японский посол в Москве М. Сигемицу от имени своего правительства предложил приступить к переговорам об урегулировании конфликта. Он попытался навязать советской стороне переговоры об изменении существующей границы, а также добиться, чтобы на ряде участков территории СССР остались японские войска. НКВД СССР твердо ответил, что конфликт возник по вине японской стороны. Если японцы прекратят нападения на советскую территорию и выведут из пределов СССР остатки своих войск, то советское правительство будет согласно приступить к переговорам, а также создать смешанные комиссии по демаркации границы (о которых велись переговоры еще до конфликта), но исключительно на основе существующих договоров и карт.

Однако уже на второй день началось новое наступление японских войск, поддержанное тяжелой артиллерией. Несколько дней японские войска предпринимали безуспешные атаки на позиции, занимаемые советскими войсками. Удар частей ОКДВА шестого августа ошеломил противника. Седьмого августа японская дипломатия запро-

сила перемирия. Но и на этот раз японцы не приняли законных требований нашего правительства об отводе войск с советской территории, а стали подтягивать к Хасану новые части. Боевые действия продолжались.

Десятого августа японское правительство вновь обратилось с предложением о прекращении военных действий. После того как частями ОКДВА была очищена советская территория от агрессора, наше правительство предложило японцам условия перемирия. Правительство Японии приняло эти условия. Стороны договорились о прекращении военных действий с двенадцати часов следующего дня и создании комиссии для разрешения спорных вопросов о границе. Одиннадцатого августа в Хунчуне сторонами был подписан протокол о перемирии. Но японцы его нарушили. С 12 час. 08 мин. до 13 час. 15 мин. они вели интенсивный артиллерийский и пулеметный огонь по высоте Заозерной и другим участкам 32-й и 40-й стрелковых дивизий, что привело к потерям. Только после ответного нашего артогня обстрел прекратился, но одиночные выстрелы винтовок продолжались до 17 час. 30 мин. Пользуясь отсутствием огня с нашей стороны, около батальона японцев распространилось по гребню Заозерной на юг... Урегулирование конфликта продолжалось еще несколько дней.

В дальнейшем при восстановлении положения на границе были использованы исключительно документы, представленные советской стороной.

Поражение японских милитаристов в крупном по тому времени пограничном сражении в районе озера Хасан явилось серьезным ударом по их захватническим планам на Дальнем Востоке, направленным против СССР. Конфликт завершился полной победой советского оружия.

Победа досталась нам высокой ценой. В ходе хасанского конфликта с советской стороны погибло девятьсот шестьдесят человек, три тысячи двести семьдесят девять человек ранено, пограничники потеряли убитыми тридцать три человека и около ста ранеными. Японская сторона потеряла свыше шестисот пятидесяти человек убитыми и более двух с половиной тысяч ранеными. Сведения и сейчас еще не окончательные.

За совершенные подвиги в этих боях пять пограничников — А. Е. Махалин, П. Ф. Терешкин, И. Д. Чернопятко, В. Е. Виневитин и Г. А. Батаршин — первыми в пограничных войсках были удостоены звания Героя Советского Союза. Так был открыт список героев в пограничных войсках. Двести сорок девять пограничников и сорок семь членов их семей удостоены орденов и медалей Союза ССР. В их числе двадцать пять человек награждено орденами Ленина. За боевые заслуги Посъетский пограничный отряд был награжден орденом Красного Знамени и получил почетное наименование «Хасанский», а имя Героя Советского Союза А. Е. Махалина присвоено пограничной заставе, на которой он служил. Сопка Безымянная называется сейчас высотой А. Махалина. Имя героя увековечено также в названии корабля, улицы, железнодорожной станции в Приморье, села, где он родился...

За мужество и героизм 40-я и 32-я стрелковые дивизии были награждены орденами, двадцать шесть человек получили звание Героя Советского Союза, 6523 человека награждены орденами и медалями. Пятого июля 1938 года был учрежден нагрудный знак «Участник Хасанских боев».

В преддверии 60-летия событий появились публикации со ссылками на **приказ наркома обороны К. Ворошилова № 0040 от 4 сентября 1938 г.** по итогам заседания Главного Совета Наркомата обороны, рассмотревшего вопрос об итогах и уроках хасанских боев. Среди огромных недочетов в состоянии Дальневосточного фронта перед конфликтом, в которых виноват В. Блюхер и подчиненные ему органы управления, некоторые историки приводят лишь эпизод о том, как он «подверг сомнению законность действий наших пограничников», послав на высоту Заозерная комиссию для разбирательства: что же там произошло. Созданная подозрительным порядком комиссия обнаружила «нарушение» границы на три метра нашими пограничниками при оборудовании окопа. В телеграмме наркому обороны Блюхер, как уже бывало, по-

требовал «немедленного ареста начальника погранучастка» и других «виновников» в провоцировании конфликта с японцами. Может быть, ранее в Москве и поверили бы Блюхеру, но сейчас донесение прославленного маршала подвергли сомнению. Дело в том, что приказ о занятии высоты Заозерной пограничниками был отдан лично первым заместителем наркома внутренних дел М. П. Фриновским, который в это время находился на Дальнем Востоке вместе с начальником Главного политического управления РККА Л. З. Мехлисом. Оба высокопоставленных лица прибыли в Хабаровск накануне хасанских событий для расследования обстоятельств ухода за границу начальника УНКВД по ДВК Г. Люшкова и инспекции частей Дальневосточного фронта и Дальневосточного округа пограничных и внутренних войск, особенно Посъетского отряда.

В телеграмме, направленной Фриновским наркому внутренних дел Н. И. Ежову, он подтвердил абсолютную правильность применения оружия по японскому жандарму. Его труп был подобран в пяти метрах от линии границы. Наши пограничники действовали правильно. При обнаружении Фриновским нарушений ими инструкций в то время немедленно последовали бы жестокие наказания, но таковых не было. В другой телеграмме Ежову он оценивает личное поведение Блюхера как лжеца, обманывающего партию и правительство. Не соглашаясь с такой суровой оценкой Блюхера, тем не менее отметим, что последующие события показали крупные недостатки в боевой и мобилизационной готовности ДВФ. Это было характерно для 1-й Дальневосточной армии, работы штабов всех степеней, для оборудования театра военных действий и практического руководства войсками в ходе отражения агрессии. Они возникли по вине командующего фронтом и его подчиненных. Находящиеся в районе боевых действий Мехлис и Фриновский наблюдали многие вопиющие недостатки, которые и были потом перечислены в упомянутом приказе. Были приняты и другие меры по укреплению обороноспособности региона и нейтрализации угроз стране. Они оказались своевременными, так как существовали реальные предпосылки втягивания СССР в войну на два фронта — на Дальнем Востоке и Западе.

Боевые действия пограничников ДВПО и соединений Первой Дальневосточной (Приморской) армии в районе озера Хасан (в ста тридцати километрах юго-западнее Владивостока) сорвали военно-политические замыслы агрессора — овладеть пограничными высотами на советской территории как плацдармом для наступления в Приморье и развязывания в 1938 году большой войны с СССР, показали способность страны надежно защитить свои дальневосточные рубежи. Пограничники и Красная армия после Гражданской войны впервые вели боевые действия с хорошо оснащенной и всесторонне подготовленной армией противника. В ходе длительных и упорных боев в этом локальном военном конфликте с применением артиллерии, танков, авиации и демонстративных действий сил флотов они доказали огромное моральное и военное превосходство над сильным противником.

Несомненно, что сложная военно-политическая обстановка в регионе ускорила принятие Советским правительством решения об образовании Хабаровского и Приморского краев.

Рассматривая причины предательства Люшкова, отметим, что нужно как минимум трижды «созреть»: сначала до самой мысли о предательстве, затем дать ей вызреть в собственном сознании и укоренить ее, а затем уже и до фактического предательства дозреть. Так что, очевидно, процесс падения начался еще задолго до прибытия на Дальний Восток. Что бы ни утверждалось в различного рода книгах в оправдание предателей, в высшей степени справедлива и объективна лишь одна точка зрения аса советской разведки генерала П. А. Судоплатова. Ее суть очень проста: Люшков и ему подобные были, есть да так и останутся в истории только как предатели. Потому что генеральным лейтмотивом их предательства было категорически враждебное неприятие восстановления великого и могучего российского государства, пускай и носившего тогда название СССР.

А еще Люшков предложил своим новым хозяевам разработать и осуществить операцию по ликвидации руководителя СССР И. Сталина. В этом его охотно поддержал генштаб Японии. В качестве исполнителей были отобраны шесть белогвардейцев. Им следовало тайно перейти границу СССР и прибыть в Мацесту, где Сталин периодически принимал лечебные ванны. Люшков в свое время был начальником Азово-Черноморского управления НКВД и знал весь ритуал «омовения» до тонкостей. Проникновение террористов в банный корпус планировалось по водостоку.

Операция «Медведь» началась двадцать пятого января 1939 года. Группа диверсантов подошла к турецко-советской границе у селения Борчка. Они вышли в глухое ущелье, ведущее в СССР. И тут внезапно по ним был открыт пулеметный огонь. Трое убиты, остальные бежали. По всей вероятности, в группе был агент НКВД или с деталями операции был знаком другой агент, участвовавший в ее разработке. Как полагает японский исследователь Хияма Исикаки, скорее всего, это был Борис Безыменский, переводчик МИДа Маньчжоу-Го. Вполне вероятно, что он был тем самым Лео, о существовании которого ничего не знал Люшков. Неудавшийся руководитель покушения на Сталина, как вспоминали очевидцы, плакал от бессильной ярости, когда операция сорвалась.

Японские власти, видя неминуемый крах своей страны, не хотели, чтобы Люшков попал в руки НКВД, где он бы мог много чего рассказать интересного и о деятельности японской разведки. Поэтому перед японцами и встал вопрос о его ликвидации.

В августе 1945 года Люшков под фамилией Маратов был доставлен в *Дайрен (в 1905 году, после Портсмутского мира, так был переименован г. Дальний)* и поселен в его окрестностях на уединенной даче японской военной разведки. Девятнадцатого августа он был доставлен в помещение японского специального органа в Дайрене, где капитан Такеока Ютака предложил ему принять цианистый калий и добровольно уйти из жизни.

Люшков, по приказам которого десятки тысяч людей были насильственно лишены жизни, никак не хотел расставаться со своей и просил дать ему самолет и отправить к американцам. Предатель правильно предполагал, что американцы с удовольствием пригнали бы его у себя. Японцы обещали подумать и сообщить ему свое решение.

Когда успокоившийся Люшков спускался со второго на первый этаж по лестнице, следовавший за ним капитан Такеока выстрелил ему в голову, но не убил его, а только ранил. Сотрудники Дайренского специального органа вынесли раненого во двор и пристрелили на угольной куче.

После этого останки Люшкова были кремированы в японском военном госпитале и он был захоронен на японском кладбище под фамилией Сато.

Всей этой операцией руководил генерал-лейтенант Янагита Гэндзо, который был взят в плен в Дайрене в августе 1945 года. Первоначально на допросах генерал Янагита утверждал, что Люшков отравился сам. Однако когда ему предъявили показания военнопленного капитана Такеока, который рассказал, как все происходило на самом деле, генерал Янагита вынужден был изменить свои показания и сказать правду.

Генерал Янагита выполнил возложенное на него последнее задание, и Люшков не попал в руки советских властей, унеся с собой в могилу многие нераскрытые тайны.

